

ДВОРОВЫЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ В ТЫСЯЧНОЙ КНИГЕ 1550 г. И ДВОРОВОЙ ТЕТРАДИ 50-Х ГОДОВ XVI В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. являются важнейшими источниками изучения Государева двора времени правления Ивана Грозного. До настоящего момента у исследователей не выработалось единства мнений относительно причин появления источников и состава записанных в них лиц. С точки зрения С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, Дворовая тетрадь является полным списком Государева двора середины XVI в. [Веселовский, 1963, с. 81; Зимин, 1960, с. 371]. Однако в конце XVI в. членов Двора было чуть более 1 тысячи человек, а в Дворовой тетради записано более 4 тысяч лиц [Станиславский, с. 134]. Б. Н. Флоря отметил неполноту Дворовой тетради, отсутствие в ней значительного числа Стародубских князей, перечня дворовых по Северо-Западу России (Новгороду, Пскову), Верее, Луху, Кинешме, многочисленные дефекты источника [Флоря, с. 48–57]. А. П. Павлов, изучив записанных в отдельные рубрики (по Можайску, Кашире, Коломне) детей боярских, пришел к выводу, что Дворовая тетрадь не отражает реальный состав Двора, а является документом, «содержащим максимально полные сводные данные о лицах, принадлежавших к верхнему слою служилого сословия и как-то выделявшихся из общей массы городских детей боярских» [Павлов, 1995, с. 32–33]. Не выяснено, с какой целью была начата Дворовая тетрадь, каков принцип внесения в нее лиц, причины прекращения записей в документе. По мнению В. Д. Назарова, Дворовая тетрадь могла быть составлена в связи с Земской реформой [Назаров, 1982, с. 175]. А. П. Павлов связывает составление Дворовой тетради с реализацией Тысячной реформы 1550 г. По его мнению, «составление Дворовой тетради было вызвано потребностью правительства иметь в процессе проведения реформы двора при пересмотре его личного состава максимально полные сводные данные о лицах, принадлежащих к верхнему слою служилого сословия» [Павлов, 1992, с. 89–90]. А. А. Зимин датировал составление Дворовой тетради 1550/1551 г., но К. В. Баранов полагает, что существовало две редакции Дворовой тетради. Первая была создана в 7045 (1536/1537) г. (некоторые списки Дворовой тетради имеют заголовок с 7045 г.) во время большого «поместного верстания» дворян. Вторая дошедшая редакция относится к 7061 (1552/1553) г. в связи с тем, что в дошедшие до нас списки Дворовой тетради не попали воины, погибшие осенью 1552 г. при взятии Казани [Баранов, с. 164–166].

Прежде чем коснуться анализа записанных в источники служилых землевладельцев, остановимся на проблеме датировки Тысячной книги и Дворовой тетради. Тысячная книга сохранилась не в подлиннике, а в поздних списках конца XVII – XVIII в. А. А. Зимин, осуществивший последнее по времени издание Тысячной книги, в основу издания положил древнейший Олонецкий список конца 30-х – начала 40-х годов XVII в. из рукописного собрания Библиотеки Академии наук¹. Ученым была представлена история бытования Тысячной книги как делопроизводственного документа². У исследователей не возникало сомнений, что Тысячная книга появилась в 1550 г. в связи с октябрьским указом о наделении подмосковными поместьями тысячи «лучших слуг». В пользу того, что Тысячная книга возникла в 1550 г., говорит то, что убитые в ходе третьего Казанского похода 22 августа – 2 октября 1552 г. русские воины записаны в источнике как живые. Князь Д. Ф. Бельский, возглавлявший список бояр, умер 11 января

¹ БАН. 33.7.11. Л. 112–168.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 20–44.

1551 г.³ Однако все же некоторые «мертвые души» по недосмотру подьячих попали на страницы Тысячной книги, на что впервые обратил внимание М. М. Бенцианов [Бенцианов, 2013, с. 35]. Князь Ю. И. Кропоткин, дворовый сын боярский Деревской пятины Великого Новгорода, умер в 1548/1549 г.⁴ Юрий Никифоров сын Стромилов, сын боярский 3-й статьи из Юрьева, на самом деле в марте 1549 г. погиб в Муроме от казанских татар. М. И. Зачесломский, сын боярский 3-й статьи из Галича, также погиб в марте 1549 г. в Муроме⁵. Д. А. Волохов, сын боярский 2-й статьи из Лосицкого погоста Шелонской пятины, в 1550/1551 г. получил поместье в Пскове и уже успел покинуть Лосицкий погост⁶.

Кажется вероятным, что Тысячная книга в готовом виде представляла собой тетрадь (кодекс), в конце рубрик было оставлено некоторое место для дополнительных записей и приписок. Характер приписок носят вставки следующих тысячников, вероятно, новиков: в конце перечня тысячников 2-й статьи «Новокрещенные ис Торжку князь Иван княж Мавковшев сын Теукечеева», в 3-й статье «Из Муромы ж Федор Дурасов. Матюшка Прокофьев сын», «З Белые ж Микитка Васильев сын Елсуфьев»⁷.

Тысячная книга несет в себе следы архаики. Служилые люди в ряде статей занесены в рубрики «Князь Юрьевские Ивановича» (по Кашину, Дмитрову), «Князь Андреевские» по Старице. Эти дети боярские когда-то служили удельным князьям Ю. И. Дмитровскому и А. И. Старицкому, но к 1550 г. их дворы давно перестали существовать. Князь Юрий Дмитровский был схвачен 11 декабря 1533 г. и 3 августа 1536 г. умер в заточении. 10 декабря 1537 г. князь Андрей Иванович Старицкий скончался «в нуже старадалческою смертию»⁸. К 1537 г. были, очевидно, ликвидированы дворы этих удельных князей. Сохранение пережитков старины в Тысячной книге 1550 г. М. М. Бенцианов объясняет тем, что главным ее источником послужила несохранившаяся Боярская книга 1536/1537 г., ссылки на которую были обнаружены Н. П. Лихачевым в дворянских родословных росписях [Бенцианов, 2000, С. 22].

Важный сюжет касается практической реализации указа 1550 г. о наделении подмосковными поместьями внесенных в Тысячную книгу дворовых. Тысячников предполагалось наделить поместьями на расстоянии 70–80 км от столицы в Московском, Дмитровском, Рузском и Звенигородском уездах в том случае, если они не владели здесь поместьями или вотчинами. Что касается реализации указа о наделении подмосковными поместьями, второй составляющей Тысячной реформы, то в исторической литературе есть различные взгляды на этот вопрос. А. А. Зимин и И. И. Смирнов придерживались диаметрально противоположных мнений. И. И. Смирнов полагал, что тысячники в большинстве своем получили подмосковные поместья [Смирнов, с. 404–409], А. А. Зимин категорически отрицал это [Зимин, 1960, с. 366–371]. Н. Н. Масленникова поддержала А. А. Зимина [Масленникова, с. 120–123]. В новейшей историографии наиболее аргументированной точки зрения придерживается А. П. Павлов. Подчеркивая неполноту сохранившейся писцовой книги Московского уезда 1584–1586 г., ученый отметил наиболее распространенные в писцовой книге земельные оклады в 100, 150 и 200 четвертей (что соответствовало окладам тысячников 1-й, 2-й и 3-й статей), которыми в 80-х годах XVI в. владели если не сами тысячники, то их дети и родственники. Косвенным доказательством испомещений является постепенное исчезновение к началу 60-х годов XVI в.

³ Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 36.

⁴ Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. Т. V. С. 202–203, 320.

⁵ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 180.

⁶ Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 2009. Т. VI. С. 69–70.

⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 60, 71, 79.

⁸ ПСРА. М., 2000. Т. XIII. С. 78, 121.

особой группы детей боярских Московского уезда в связи с резким сокращением и дефицитом свободных земель [Павлов, 1992, с. 94–95]. Следовательно, по мнению А. П. Павлова, можно говорить об испомещении если не всех, то значительной части тысячников под Москвой.

И. И. Смирнов и А. А. Зимин насчитали 90 тысячников из «Московских городов», которые упоминаются как бывшие держатели поместий в писцовых книгах Московского уезда и, вероятно, получили поместья по Тысячной реформе [Смирнов, с. 409–410; Зимин, 1960, с. 368–369]. При проверке по писцовым книгам Московского уезда сводного перечня помещиков-тысячников И. И. Смирнова и А. А. Зимина не удалось обнаружить поместья у Ф. А. Карпова, П. Ф. Колычева, В. П. Кутузова, З. Г. Обарина, С. Г. Обобурова, князя Ф. И. Троекурова, С. А. Упина, Л. П. Хитрово, Л. П. Хметевского, Т. С. Чебукова. Некоторые помещики при проверке оказались вотчинниками: Л. В. Брехов, И. И. Мятлев, Г. Плещеев, Л. Т. Раков⁹. Было найдено еще несколько помещиков-тысячников, не учтенных А. А. Зиминим и И. И. Смирновым, и общее количество помещиков Московского уезда оказалось 83 человека. Вместе с тем удалось отыскать новых помещиков Подмосковья по новым документам. В данной грамоте тысячника боярина Ивана Большого Васильевича Шереметева Кирилло-Белозерскому монастырю 1568/1569 г. сказано о вкладе по сыне Еремее в монастырь в Торокманове стане Московского уезда села Шилбутово с 19 деревнями (всего 90 четвертей земли в одном поле), 100 рублей и 2 тысяч бревен «в государевом жалованье в подмосковном поместье в Есине»¹⁰. Из межевой записи Аграфены, жены Ивана Михайлова сына Чертова, пожалованной 7 июня 1563 г. селом Шилбутово, мы узнаем о землях, с которыми граничила эта вотчина в Торокманове стане Московского уезда. Тысячник 3-й статьи из Можайска Русин Злобин сын Лукерьяин владел здесь поместными деревнями Дедово, Дедовской, селищем Козленево, а Тимофей Иванов сын Тетерин Пухов (тоже из Можайска) — поместьем, включающим деревню Куркино, селищем Духово. Афанасий Григорьев сын Мешков Плещеев, тысячник 3-й статьи из Вязьмы, на поместном праве держал пустоши Беклемишевы¹¹. Меньшой Леонтьев сын Проестев, тысячник 3-й статьи из Коломны, в начале 60-х годов XVI в. также имел поместье в Торокманове стане Московского уезда¹².

Князь М. В. Жижемский, тысячник 3-й статьи из Малого Ярославца, к 1585/1586 г. лишился поместья в Торокманове стане Московского уезда (оно оказалось записано в порозжих землях) — «пустоши, что была деревня Селевино с 5 пустошами, что раньше были деревнями» (всего 100 четвертей доброй земли). 6 августа 1594 г. поместье было пожаловано князю Юрию Григорьеву сыну Мещерскому и Борису Собакину¹³. Тысячник 3-й статьи из Владимира М. В. Колупаев Приклонский в 1573/1574 г. до 3 июля 1575 г. владел поместьем — пустошами Микулино и Косткино и селищем Микулинским (66 четей в поле) в Островецком стане Московского уезда¹⁴.

Князь А. М. Курбский, тысячник 1-й статьи, в 1556 г. владел поместьем — селом Серкизово с деревнями Осинника, Шадеево, Мелницы в Боховском стане Московского уезда¹⁵.

Писцовые книги по Звенигородскому уезду 1558–1560 г., Рузскому уезду 1567–1569 г., актовый материал по Дмитровскому уезду подтверждают испомещение тысячников в этих уездах. Князь Д. И. Давыдов Засекин, тысячник 3-й статьи из Дмитрова, в 1558–1560 г.

⁹ Писцовые книги Московского уезда XVI в. / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1.

¹⁰ РНБ. СПбДА. А I/17. Л. 764.

¹¹ Там же. Л. 747–751, 755 об.

¹² РНБ. Q. IV. 113 б. Л. 312 об. — 313.

¹³ Акты служилых землевладельцев / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. IV. № 508.

¹⁴ Акты служилых землевладельцев / Сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. III. № 91.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 254. № 11, 12, 17.

владел поместьем в Угожском стане Звенигородского уезда сельцом Ляхово с 18 деревнями и пустошью¹⁶. В Рузском уезде в 1567–1569 г. помещиками были тысячники по Кашину Ф. П. Звенигородский (в волости Замошье владел поместьем — деревнями Воронино и Карпово), И. А. Звенигородский (в Ростовецком стане за ним в поместье село Сороснево Липовицы с 11 деревнями и пустошью, в волости Замошье — деревни Чернево и Волково), А. А. Звенигородский (в Ростовецком стане за княгиней Настасьей, женой князя Афанасия Звенигородского, в поместье сельцо Захарьино Фетцово с 2 деревнями)¹⁷, тысячник по Можайску А. Г. Колычев (в волости Юрьева Слобода за ним в поместье сельцо Захряпино с 5 деревнями)¹⁸, тысячник по Рузе У. К. Облезов (в волости Замошье поместье — сельцо Кузьминское с 3 деревнями и половиной пустоши, также поместье в Фоминской волости)¹⁹. Ф. Ф. Нагой, тысячник 3-й статьи по Переславль-Залесскому, в 1561/1562 г. владел поместьем — сельцом Верхнее Теряево с деревнями Павликово и Нижнее Теряево в Опольском стане Дмитровского уезда²⁰. Получается, что более 110 тысячников в 50–60-е годы XVI в. владели поместьями в Московском, Звенигородском, Рузском и Дмитровском уездах.

Если наделение землями в Московском и близлежащих к нему уездах тысячников Московской земли прослеживается по писцовым, копийным книгам и актам и было, вероятно, в целом проведено, то испомещение тысячников Северо-Запада стоит под вопросом. Есть только два упоминания о подмосковных поместьях новгородцев в переписке московских властей с новгородскими дьяками. 28 января 1556 г. царь Иван IV приказал новгородским дьякам Ф. Еремееву и К. Дубровскому «Семеново поместье Александрова сына Аксакова отписать и приказати ведати, доход сбирати на меня царя и великого князя, и в роздачу роздали», поскольку «Семена Аксакова пожаловали есмь поместьем в Московских городех»²¹. С. А. Аксаков в Тысячной книге назван сыном боярским 3-й статьи по Кашину князя Юрия Ивановича. В писцовой книге Водской пятины Великого Новгорода 1538/1539 г. письма Г. М. Валуева в Опольском погосте в селе Кут за С. А. Аксаковым упомянуты земли Ивана Захарьинова сына Овинова²². Возможно, Аксаков, сохранив за собой новгородское поместье, в 40-е годы XVI в. получил земли и в Кашине, куда перевелся на службу.

Второй случай испомещения в Подмоскovie новгородца относится к князю Ф. Ю. Глазатому Оболенскому. 13 февраля 1554 г. Иван IV приказал новгородским дьякам: «Как к вам ся наша грамота придет, и вы бы часа того послали, кого пригоже, а велели бы есте у князя Федора у княж Юрьева сына Оболенского поместье отписать и ведати и доход збирати на меня царя и великого князя и в роздачу роздали. А князя Федора есмь здесе в Московских городех поместьем пожаловали»²³. Князь Федор Глазатый, тысячник первой статьи из Пироского погоста Деревской пятины, к 1550/1551 г. утратил поместья, доставшиеся ему от отца князя Юрия Константинова сына Оболенского, 10 деревень, 13 обож в Пироском погосте Деревской пятины, но сохранил в том же погосте 8 деревень, а также располагал 2 деревнями в Нерецком и 12 деревнями в Городенском погостах. Всего за ним в трех погостах в 1550/1551 г. числилось 29 деревень с усадищем, 53,5 обжи²⁴. Вероятно, этот надел князь Оболенский и утратил в

¹⁶ Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1. С. 58–61.

¹⁷ Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов. Материалы для истории Звенигородского края. М., 1997. Вып. 4. С. 41–43, 107, 112.

¹⁸ Там же. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 119.

²⁰ Акты служилых землевладельцев / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. II. № 491.

²¹ СПбИИ РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л. 288–288 об.

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 151–151 об.

²³ СПбИИ РАН. Кол. 2. Кн. 23. Л. 357–357 об.

²⁴ Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. Т. V. С. 169, 178, 186, 187, 192.

связи с пожалованием его подмосковным поместьем по Тысячной реформе. Характерно, что и С. А. Аксаков, и князь Ф. Ю. Глазатый автоматически утратили новгородские владения при наделении их землями под Москвой. Удаленность новгородских земель и специфика новгородской службы не совмещались с московской службой, и нужно было выбирать: либо терять новгородские поместья и перебираться поближе к Москве, либо оставаться в Новгороде. Именно дальностью новгородской службы, необходимостью постоянно находиться в боевой готовности для отражения нападения со стороны Швеции, Ливонии, Литвы, очевидно, можно объяснить то обстоятельство, что большинство тысячников Новгородской земли поместий в Подмоскowie не получили, а те, кто получил, вынуждены были порвать с новгородской службой. Характерно, что административная служба на местах большинства тысячников Северо-Запада, записанных в Боярскую книгу 1556 г. и получавших кормления, ограничивалась пределами Новгородской земли: Деманом, Островом, Велье, Вышегородищем, Городней, Кобыльим Городищем, Старой Руссой, Выгоозером, Ладогой, Копорьем, Новгородом.

О том, что большинство новгородцев и псковичей не получили подмосковных земель, косвенно свидетельствует Боярская книга 1556 г. В ней упомянуты некоторые из новгородских тысячников и владения у них указаны в обжах и вытях, как это было принято в Великом Новгороде и Пскове. У Р. Д. Игнатьева, тысячника 2-й статьи из Торопца, поместье в 19 вытей. У С. Ф. Нагаева, городского сына боярского 2-й статьи из Шелонской пятины, поместье в 23 обжи. За Ж. А. Вешняковым, тысячником 2-й статьи из Пскова, поместье в 20 вытей²⁵. Всего в Боярской книге мы встречаем 28 тысячников Северо-Запада. За князем И. Д. Щепиным Ростовским, тысячником 1-й статьи Шелонской пятины, «поместья за ним 30 обож, вотчины не сыскано»²⁶. По писцовой книге 1550/1551 г. князь Иван Щепин владел в Струпинском погосте поместьем отца — 15 деревнями, 30 обжами²⁷. Мы видим полное совпадение размера поместья, озвученного на Серпуховском смотре 1556 г., с реальным наделом. Значит, князь Ростовский не получил подмосковное поместье дополнительно к новгородскому. За И. И. Кобылиным Макшеевым, дворовым сыном боярским 2-й статьи из Шелонской пятины, поместье в 22,5 обжи, «вотчины не сыскано»²⁸. В 1539 г. за Иваном Ивановым сыном Кобылиным в Шелонской пятине в погосте Рамышевском находилось село Парфино и деревни, а также три пожни и деревни в Деревской пятине в Перетинском погосте, деревни в Околорусье да усадище в селе Рахлице. Всего за ним село и 12 деревень, 22,5 обжи²⁹. То есть размеры реального надела И. И. Кобылина совпадают с данными Боярской книги, и подмосковного поместья ему не дали.

Любопытно, что некоторые новгородские тысячники владели подмосковными вотчинами. В Боярской книге 1556 г. есть дворовый сын боярский 2-й статьи Водской пятины С. Д. Аксаков: «вотчины за ним з братом его с Федором в Московском уезде пол-полтрети сохи, поместья за ним 26 обож»³⁰. Степан Аксаков был помещиком Новгородской земли. В 1558/1559 г. в погосте Федоровском Песочком Водской пятины он получил деревни в поместье, соху с третью. Во второй половине XVI в. Степан и Федор Дмитриевы дети Аксаковы значились помещиками в погосте Никольском Городищском той же пятины, за ними была треть сохи³¹. Помимо поместья на Северо-Западе, Семен с братом Федором владели вотчиной в 67 четвертей в Московском уезде. Следовательно, Степан не мог получить подмосковное поместье по указу 1550 г. («а за

²⁵ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 83, 84.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. IV. С. 513, 559.

²⁸ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года. С. 107.

²⁹ Новгородские писцовые книги. Т. IV. С. 332–335.

³⁰ Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года. С. 114.

³¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. II. Ч. II. С. 360, 364.

которыми бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ином городе, которые блиско Москвы верст за 50 или за 60 — и тем поместья не давати»). Н. В. Уваров, дворовый сын боярский 2-й статьи из Пскова, владел отцовским поместьем в 20 вытей, а также вотчиной в Дмитровском уезде — селом Новым с деревнями, пашни пол-полтрети и пол-полчетверти сохи (то есть 117 четвертей в одном поле). Уваров, как Аксаков, не мог получить и не получил дополнительного поместья в Подмосковье.

Остается заключить, что тысячники Северо-Запада, в отличие от тысячников из московских городов, за редким исключением (князь Ф. Ю. Глазатый Оболенский) не были наделены подмосковными поместьями по указу 1550 г.

А. П. Павлов предположил, что записанные в Тысячную книгу представители знати входили во Двор и само составление Тысячной книги было приурочено к реформе Государева двора и его оформлению в новом составе [Павлов, 1992, с. 89–90]. По подсчетам А. П. Павлова, «из 250 человек воевод и голов, упомянутых в разрядных записях за 1549/50–1552 г., лишь два десятка лиц не числятся в Тысячной книге» [Павлов, 1992, с. 90]. Данные о родовитом происхождении и ответственных назначениях тысячников косвенно подтверждают выводы ученого. Цифра в 1071 человек (328 тысячников по Северо-Западу и 743 из московских городов) выглядит вполне реалистичной для состава Государева двора середины XVI в.

Дворовая тетрадь, как и Тысячная книга, представлена поздними списками, причем наиболее исправные относятся к середине XVIII в. А. А. Зимин издал источник по Никифоровскому списку³², но позже обнаружил еще один Музейский список, который сохранил в себе много новых помет напротив записанных в него лиц³³. К. В. Баранов не так давно в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки отыскал еще один список Дворовой тетради — список Михайловского³⁴. Проблема изучения Дворовой тетради заключается не только в отсутствии подлинника и наличии поздних списков, но и в различных заголовках источника, которые предполагают разную датировку памятника. В Никифоровском списке в заголовке «Тетрадь дворовая а в ней писаны бояря и диаки да и князи и дети боярские дворовыя Московские земли и приказныя люди» нет даты. В другом списке второй четверти XVIII в., принадлежавшем Р. Л. Воронцову и хранящемся в Отделе рукописей РГБ, после заголовка есть дата «7045»³⁵. В Музейском списке, так же как и в списке Михайловского (к которому Музейский список весьма близок), в заголовке указано «7060-го»³⁶. В наиболее раннем Толстовском списке 80-х годов XVII в., содержащем лишь начальные заголовки Дворовой тетради, указано «7045»³⁷.

Дата 7060 (1551/1552) г., встречающаяся в ряде списков Дворовой тетради, натолкнула А. А. Зимина на мысль, что источник возник в 1551/1552 г. При изучении списков бояр и окольных историком было замечено, что имена бояр и окольных с 1551/1552 г. расположены по хронологии получения ими думных чинов, что также говорит в пользу такой датировки³⁸. Остановимся подробнее на времени создания источника.

Внимательный анализ рубрик, которыми открывается Дворовая тетрадь, показывает, что в нее не попали ряд лиц: князь Д. Ф. Бельский (боярин с августа 1530 г.; умер 11 января 1551 г.³⁹), князь К. И. Курлятев (боярин с октября 1549 г.; 16 июня 1551 г. его брат князь К. И. Курлятев

³² РГБ. Ф. 199. Д. 330. Л. 85 об. — 157, 176–176 об.

³³ ГИМ. Музейское собрание. Д. 3417. Л. 42 об. — 89 об.

³⁴ РНБ. Собрание Н. М. Михайловского. Ф. 162.

³⁵ РГБ. Ф. 218. Д. 226. Л. 1.

³⁶ ГИМ. Музейское собрание. Д. 3417. Л. 42 об.; РНБ. Собрание Н. М. Михайловского. Ф. 162. Л. 44.

³⁷ РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q. IV. 124. Л. 255.

³⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 17.

³⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 74; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 90; *Титов А. А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. С. 36.

дал Троице-Сергиеву монастырю по князю Дмитрию 50 рублей⁴⁰), И. М. Юрьев (боярин с февраля 1547 г., умер 1 июня 1552 г.⁴¹), князь В. И. Воротынский (боярин с октября 1550 г.⁴²; умер 27 сентября 1553 г. [Шаблова, с. 273]), князь М. И. Булгаков Голицын (боярин с сентября 1509 г.; в сентябре 1514 г. в битве под Оршей был взят в плен литовцами, 27 февраля 1552 г. вернулся в Москву⁴³, в июне-августе 1553 г. упоминался как боярин в Москве⁴⁴, а 9 августа 1554 г. его сын князь Ю. М. Булгаков дал Троице-Сергиеву монастырю по отце старце Ионе 50 рублей⁴⁵). Заметно, что в Дворовую тетрадь не вошли носители думных чинов, умершие или выбывшие из состава Двора в 1551–1553 г.

Однако ряд лиц мы находим в Дворовой тетради: И. Ф. Карпов (окольничий с сентября 1549 г.; 12 апреля 1553 г. посельский большой старец Трифон дал по И. Ф. Карпове Троице-Сергиеву монастырю 50 рублей⁴⁶), И. И. Умный Колычев (окольничий с марта 1549 г.; 4 июня 1554 г. его дети Федор и Иван Ивановичи Умного Колычевы дали по отце Троице-Сергиеву монастырю 50 рублей⁴⁷), И. Г. Морозов (боярин с августа 1528 г.; умер между 1 сентября [Зимин, 1958, с. 49] и 5 октября 1554 г.⁴⁸), князь Ю. И. Шемякин Пронский (боярин с 1555 г.; 1 апреля 1555 г. князь И. И. Турунтай Пронский дал по племяннике князе Ю. И. Пронском 50 рублей⁴⁹), Э. П. Яковлев (боярин с апреля 1551 г.; умер 1 июля 1555 г.⁵⁰), М. В. Яковлев Захарын (окольничий с июня 1555 г.; умер 16 июля 1556 г.⁵¹). То есть лица, умершие летом-осенью 1554 г. и позже этого времени, оказались включены в текст источника.

Немало воинов, убитых на поле брани и записанных в Тысячную книгу, в Дворовую тетрадь не попали. Это павшие в марте 1549 г. в Муроме от казанских татар Ю. Н. Стромиллов, М. И. Зачесломский⁵², убитые в декабре 1551 г. в Рязани ногайскими татарами Т. Л. Проестев, В. И. Незамай Потрябинский, Д. И. Головин, Д. Ф. Пестов, Н. Ф. Елизаров Слепой⁵³, погибшие во время решающего похода на Казань 22 августа – 2 октября 1552 г. князь Д. И. Микулинский⁵⁴, Л. М. Елизаров, Л. И. Епишев⁵⁵, Э. О. Заборовский, Д. И. Мячков, И. И. Протопопов, В. Ф. Прочинцев, Г. Я. Федцов, Л. Б. Шушерин, князь П. Н. Щепин⁵⁶, С. Ш. Новосильцев⁵⁷.

Для уточнения датировки Дворовой тетради остановимся подробнее на списке дворецких⁵⁸.

⁴⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 124; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 113.

⁴¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 10; Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. II.

⁴² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 54.

⁴³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. LIX. С. 356.

⁴⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 141.

⁴⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 134.

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 15; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 81.

⁴⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 118; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 117.

⁴⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 53–54.

⁴⁹ Там же. С. 45.

⁵⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 131; Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. С. II.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 150; Царские прародители, погребенные в обители Всемилового Спаса на Новом. М., 1912. С. 32.

⁵² Памятники истории русского служилого сословия. С. 180.

⁵³ Там же. С. 180.

⁵⁴ Там же. С. 182.

⁵⁵ Там же. С. 185.

⁵⁶ Там же. С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 183.

⁵⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 114; ГИМ. Музейное собрание. № 3417. Л. 44 об. – 45; РНБ. Собрание Н. М. Михайловского. Ф. 162. Л. 46.

	Никифоровский список	Музейский список	Список Михайловского	Данные о служебных назначениях
рязанской дворецкой окольничей Сицкий Василий Андреевич				Стал рязанским дворецким не ранее 1555 г. и не позднее лета 1556 г. [Назаров, 1976, с. 89]. Окольничий с марта 1559 г.
дмитровской дворецкой Жулебин Иван Иванович		умре	умре	Впервые назван дворецким в июне 1556 г. [Назаров, 1976, с. 88].
князь Хилков Дмитрий Иванович	боярин	боярин	боярин	Боярин с лета 1558 г.*
дворецкой казанской и нижегородской Вороной Волинской Михайло Иванович				Стал дворецким не ранее начала и не позднее лета 1558 г. [Назаров, 1976, с. 90].
дворецкой тверской Курцев Микита Афанасьевич	в опале	63-го в опале	63 опале	Впервые назван дворецким в ноябре 1554 г. [Назаров, 1976, с. 87].
дворецкой углецкой Выротков Иван Григорьевич				Еще летом 1556 г. был дьяком. Стал дворецким не ранее второй половины 1557 г. Был им до весны 1558 г. [Назаров, 1976, с. 90].

* Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 172.

Из списка дворецких видно, что в него попали дворецкие только начиная с ноября 1554 г. (с Н. А. Курцева). В. А. Сицкий явно был дописан позже: не ранее 1555 г. и не позднее лета 1556 г., впрочем, как и И. И. Жулебин (не ранее июня 1556 г.) и И. И. Волинский (не ранее 1558 г.). В список дворецких не попал Д. Р. Юрьев (дворецкий с 27 марта 1547 г. до 30 апреля 1554 г.) [Назаров, 1976, с. 78, 82–84]. Кроме того, в рубрику дворецких не были включены В. М. Юрьев (тверской дворецкий с июля 1547 г. до 9 мая 1554 г.), Д. Ф. Карпов (дмитровский дворецкий с июля 1547 г. до июля 1550 г.), В. Ю. Траханиотов (дмитровский дворецкий с 3 августа 1550 г. до августа 1553 г., когда он стал боярином), Л. А. Салтыков (дмитровский дворецкий, возможно, весной или летом 1553 г.), Д. И. Немой (дмитровский дворецкий в конце октября 1553 г.) и А. А. Квашнин (дмитровский дворецкий в 1554 г. — первой половине 1555 г.) [Назаров, 1976, с. 86–88].

Назаров отметил, что в списке дворецких Дворовой тетради зафиксированы дворецкие за период со второй половины 1554 г. по середину 1558 г. [Назаров, 1976, с. 90]. Вероятно, первоначальное ядро списка дворецких было составлено не ранее осени 1554 г. и не позднее августа 1555 г. (так как Н. А. Курцев попал в опалу в период после ноября 1554 г., когда он впервые упоминается как дворецкий, и не позднее августа 1555 г., окончания 7063 г., под которым стоит поздняя помета об опале). Последние записи дворецких датируются летом 1558 г., когда

список дворецких был, очевидно, завершен. Внесение помет падает на период с 1554/1555 г. по март 1559 г. (так как В. А. Сицкий назван окольным). А. А. Зимин считал, что рубрика дворецких была завершена не позднее начала 1560 г. в связи с тем, что в начале 1560 г. известен дмитровский дворецкий П. И. Головин, отсутствующий в списке дворецких Дворовой тетради [Зимин, 1981, с. 41]. Однако Головина могли не записать в начале 1560 г. по причине того, что с этого года в Дворовую тетрадь перестали регулярно вносить новые думные назначения.

Эти и многие другие наблюдения над временем смерти и убытия из состава Двора записанных в источник служилых людей позволяют предположить, что Дворовая тетрадь появилась не в 1551/1552 г., а в 1553/1554 г. [Корзинин, 2009а; Корзинин, 2009б].

Когда была завершена работа над поездными рубриками Дворовой тетради? При сравнении порядка записи городов Тысячной книги и Дворовой тетради бросается в глаза, что в список по городам Дворовой тетради были в конце приписаны Углич, Медынь и Ярославец. В Тысячной книге (в перечне служилых землевладельцев 3-й статьи) эти города находятся в середине городского списка. Почему произошла перестановка? Возможно, это было связано с образованием осенью 1560 г. удела князя Юрия Васильевича, куда вошли данные города [Скрынников, с. 143–144]. Первоначальный текст документа подвергся некоторой переработке. Углич и Ярославец были перенесены в конец Дворовой тетради и записаны вместе с Медынью. Следовательно, работа над поездными рубриками была завершена не раньше осени 1560 г. Фактически время функционирования Дворовой тетради падает на период деятельности Избранной рады (осень 1553 г. — осень 1560 г.).

Анализ помет, встречающихся на полях Дворовой тетради, показывает, что все они разбросаны в интервале от 1551/1552 г. до начала 1561 г. включительно. Есть несколько помет, относящихся к 1571 г., которые являются поздними вставками в основной текст памятника. Князь Ф. М. Трубецкой, записанный в рубрике служилых князей с пометой «боярин», впервые назван боярином в октябре 1571 г. [Скрынников, с. 443]. Князь Ф. С. Мезецкий, упомянутый по Можайску с пометой «умре», умер в 1571 г., когда и появилась данная помета⁵⁹.

Вероятно, первоначально Дворовая тетрадь имела форму кодекса, тетради, открывавшейся разделами бояр, окольных, дворецких, казначеев, дьяков. За ними шли листы с перечнями дворян по городам. Источниками для разделов Дворовой тетради служили документы Разрядного приказа (списки думных членов Государева двора, а также поездные реестры служилых землевладельцев и их детей). Черновые материалы Дворовой тетради восходят к 1551/1552 г. и к 40-м годам XVI в., как это видно из наблюдений А. А. Зимина и В. Д. Назарова [Назаров, 1982, с. 166–175].

Не ранее осени 1560 г. после образования удела князя Юрия Васильевича листы с землевладельцами из Углича, Ярославца и Медыни были перенесены в конец документа компактной группой. Источник был действующим до 1560/1561 г. В него записывали новых лиц, поступивших на службу и получивших думные чины, ставили напротив имен различные пометы о службе. Небольшая редакторская работа имела место и в начале 70-х годов XVI в. В дальнейшем с беловика Дворовой тетради был сделан в столбцовой форме список. В данной копии, вероятно, появились обозначения напротив землевладельцев «в подлинной почернен», то есть зачеркнут, вычеркнут в подлиннике документа. Столбец со временем расклеился, из него выпал лист с перечнем Стародубских князей. Затем с этого дефектного столбца в XVII в. делались копии по заказу представителей дворянских фамилий накануне отмены местничества. Сохранившиеся до нас поздние списки Дворовой тетради середины — второй половины XVIII в. (Никифоровский, Музейский, Михайловского) — это списки, выполненные с копий XVII в.

⁵⁹ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 33.

Вполне допустимо, что дата «60-го» как время возникновения источника попала в заглавие ряда списков Дворовой тетради (в Музейский, Михайловского) уже много лет спустя после составления этого памятника, когда с него делались копии. 1551/1552 г. был самым ранним упоминавшимся в пометах годом. Его и внесли подьячие в заглавие документа задним числом. Не случайно в описи дел, спасенных от пожара 1626 г., о списке Дворовой тетради сказано: «Книга дворовая, а в ней писаны бояре и окольные и дьяки и дети боярские Московские земли и приказные люди с 60 го года» [Веселовский, 1945, с. 64].

В Александровском и Толстовском списках Дворовой тетради в заглавие был вынесен 7045 (1536/1537) г.⁶⁰ Возможно, в 1536/1537 г. был составлен один из ранних несохранившихся боярских списков (Боярская книга 1536/1537 г.), следы которого отразились в Тысячной книге, Дворовой тетради и родословных росписях XVII в. Поздние переписчики Дворовой тетради по ошибке сослались на 7045 г., несмотря на то что записанные в текст памятника лица проходили службу в 50-е годы XVI в.

Б. Н. Флоря сделал важные наблюдения над списком дворовых по Твери, разбитых на две группы: под заголовком «Тверь» (возможно, вотчинники) и «Помещики тверские». Б. Н. Флоря показал несоответствия между заголовком и реальным правовым статусом владений отдельных лиц. В первой рубрике встречается немало помещиков, а во втором разделе у 16 из 18 лиц в Тверской писцовой книге 1548 г. обнаруживаются только поместья, а у Б. Ф. Сиротина Левашева и И. В. Челеева — только вотчины [Флоря, с. 45]. Историк считает такое деление служилых землевладельцев по Твери пережиточным явлением, восходящим к какой-то ранней документации. Анахронизмами являлись и заголовки «княж Дмитриевские Ивановича» (то есть дети боярские двора князя Дмитрия Ивановича Углицкого, умершего в 1521 г.) в рубрике «Углич» и «княж Васильевские Шемячича» (князь Василий Шемячич был арестован в 1523 г. и умер в тюрьме в 1529 г. [Зимин, 1988, с. 141–142]) в рубрике «Малый Ярославец».

Можно продолжить наблюдения над тверичами в Дворовой тетради. Под заголовком «Тверь» оказалось внесено немало землевладельцев, которые в момент составления Дворовой тетради в 1553/1554 г. еще не поступили на службу. В дозорной книге Тверского уезда 1551–1554 г., изданной А. В. Антоновым, говорится о вотчиннике Василии Киндыреве и его сыне Иване в волости Захожье: «Василья Киндырева селцо Мятлево, пашни пол-пол-полтрети сохи. Василья в животе не стало, а нынеча сына его Ивана... Иван еще не служит»⁶¹. И. В. Киндырева находим в списке по Твери с братом Федором: «Федорец Васильев сын Киндырев. Брат его Иванец»⁶². Павлин Ушаков сын Стригин, записанный в рубрике по Твери, в 1551–1554 г. владел в волости Шейский уезд отцовским поместьем — 4 деревнями. О нем сказано: «Павлин не служит никому»⁶³. Не состоял на государственной службе Иван Михайлов сын Гнездовский. Напротив его фамилии в Дворовой тетради стоит помета «умре». За ним в Микулинском стане в вотчине было село Гнездово с деревнями⁶⁴. В 1551–1554 г. не служил Андрей Васильев сын Левашев, хотя возле его фамилии, стоящей в конце списка тверичей среди новиков, есть помета «63», читающаяся в Никифоровском, Музейском списках и списке Михайловского и намекающая на поступление на службу в 1554/1555 г.⁶⁵ В 1551–1554 г. в Микулинском стане Тверского

⁶⁰ Милоков П. Н. Тетрадь дворовая // Записки Русского археологического общества. СПб., 1901. Т. XII. Вып. I–II. Новая серия. Труды Отдела славянской и русской археологии. Кн. V. С. 1; РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q. IV. 124. Л. 255.

⁶¹ Писцовые материалы Тверского уезда / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 159.

⁶² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 195.

⁶³ Там же. С. 196; Писцовые материалы Тверского уезда. С. 281.

⁶⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. 1950. С. 197; Писцовые материалы Тверского уезда. С. 188.

⁶⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 197.

уезда за Василием Александровым сыном Левашовым находилась вотчина — село Шишково с деревнями, — перешедшая после его смерти Ф. М. Нагому и жене Василия Овдотье с детьми Ондрюшкой, Левушкой и Ратайкой, о которых сказано: «А дети ее не служат, еще невелики»⁶⁶. «Не служил никому» Иван Дмитриев сын Челеев⁶⁷. Однако напротив его имени в Музейском списке и списке Михайловского Дворовой тетради содержится указание «Челеев 65-го из Серпухова не знают», что как будто бы подразумевает поступление на службу из Серпухова в 1556/1557 г.⁶⁸ Указанные примеры свидетельствуют о том, что в Дворовую тетрадь включили значительное число недорослей, новиков либо землевладельцев, которых в перспективе когда-нибудь собирались призвать на дворовую службу. В то же время в Дворовую тетрадь попали лица, можно сказать, негодные по состоянию здоровья для выполнения военных поручений. Лаврентий Торх Злобин сын Осорьин, дворовый из Белой, умер 22 апреля 1554 г. в возрасте 35 лет и был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре⁶⁹. Антропологическое исследование Д. В. Богатенкова показало, что Лаврентий Осорьин в детском возрасте перенес тяжелую травму бедра, вследствие чего у него развился миозит пучка мышц правого бедра. Торх Злобин почти не мог передвигать правую ногу, которая у него волочилась [Чернов, Янишевский, с. 192, 197–199]. Трудно представить, как он мог проходить дворянскую службу, садиться на коня. В разрядах и других служебных документах Лаврентий Торх Злобин не упоминается, из чего можно сделать предположение о непрохождении им военной службы (хотя можно допустить выполнение им административной работы).

Если сравнить записанных в Дворовую тетрадь в рубрику по Кашире землевладельцев (106 человек) с близкой по времени Каширской десятней 1556 г. (409 каширян), то можно обнаружить совпадение 57 лиц⁷⁰. В отличие от Дворовой тетради, в Каширскую десятню попало немало городских детей боярских [Бенцианов, 2011, с. 210]. Но и в Дворовой тетради по Кашире находим не только членов Государева двора. Из 106 записанных лиц службу в составе Двора в 50-х — первой половине 60-х годов XVI в. проходили только 13 дворян. Это не случайно. В 50–60-е годы XVI в. происходило постепенное оседание дворовых детей боярских по городам и выделение из этой категории служилых людей выборных дворян, несших столичную службу [Павлов, 1992, с. 87–88, 98–100]. Двое выборных дворян (Г. З. Петров и И. И. Большой Алексеев Уваров) попали в текст Каширской десятни 1556 г. [Кротов, с. 56–72].

Количество записанных в Дворовую тетрадь дворовых (без повторов 4137лиц) заставляет усомниться в принадлежности их всех к Государеву двору. Такая цифра характерна для Двора не ранее второй четверти XVII в. По многочисленным пометам видно, что в Дворовую тетрадь были внесены не только члены Двора, но и городские дети боярские, недоросли, которых в дальнейшем предполагалось призвать на государеву службу. Напротив целого ряда персон стоят пометы «приказчик городской», «у царицы», которые не могли означать их принадлежность ко Двору. Многие землевладельцы, служившие в 50-е — начале 60-х годов XVI в. на воеводских, придворных должностях, выполнявшие важные посольские обязанности (приставы при послах, большие послы и посланники), назначенные в наместники, волостели, в руководители писцовых комиссий, по какой-то причине в Дворовую тетрадь не попали. По моим подсчетам, их более 500 человек, включая новгородских дворовых детей боярских. Составители Дворовой тетради не ставили перед собой определенной цели учесть всех представителей Двора. Поэтому

⁶⁶ Писцовые материалы Тверского уезда. С. 188–189.

⁶⁷ Там же. С. 147.

⁶⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 197; ГИМ. Музейское собрание. Д. 3417. Л. 83 об.; РНБ. Собрание Н. М. Михайловского. Ф. 162. Л. 103 об.

⁶⁹ Приношу благодарность С. З. Чернову, обратившему мое внимание на Л. З. Осорьина.

⁷⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 161–164; Каширская десятня 1556 г. / Изд. Н. В. Шапошников. // «Heraldica»: Исторический сборник. СПб., 1900. Т. I. Отд. 4. С. 28–44.

оказались далеко не полными не только перечни землевладельцев по уездам, но даже списки бояр (отсутствуют князь Ф. Б. Ромодановский, боярин в 1555 г., князь Ф. И. Кашин, боярин в 1555 г.), окольничих (М. П. Головин Большой, окольничий с 1560 г.), дьяков (Д. Ш. Онаньин, А. М. Бабкин, А. В. Безсонов, В. Г. Билибин, О. Васильев, П. Д. Дементьев, Ф. Б. Еремеев и многие другие). Все это убеждает в том, что Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в. нельзя назвать источником по учету состава Государева двора середины XVI в. Особенности Дворовой тетради как делопроизводственного документа (представляющего собой нечто среднее между боярскими списками по учету членов Государева двора и десятнями, куда заносились представители поуездных служилых корпораций), состав записанных в нее лиц (многие из которых служили с городовыми детьми боярскими либо поступили на службу в составе Двора только в 60–70-е годы XVI в.) позволяют сделать предположение о создании этого источника с целью дальнейшего пополнения Двора новыми лицами из числа не только дворовых, но и городовых детей боярских. Записанные в источник землевладельцы представляли собой резерв для призыва на дворовую службу. В этом смысле появление Дворовой тетради можно рассматривать как одну из реформ Избранной рады.

Сравнение 743 тысячников Московской земли (кроме Петра Васильева сына, Степана, Матвея Прокофьева сына из 3-й статьи, которых трудно с кем-то отождествить) с перечисленными в Дворовой тетради служилыми землевладельцами (дворовые Северо-Запада, за исключением князя Ф. Ю. Глазатого Оболенского, в Дворовую тетрадь не попали) продемонстрировало включение большинства тысячников в Дворовую тетрадь. Если исключить тех, кто к 1553/1554 г. умер (И. И. Клушин Белеутов, князь В. Ф. Лопатин, князь Н. И. Пронский⁷¹), попал в опалу (князья Иван и Никита Борисовичи Лобановы Ростовские в связи с делом князя С. В. Звяги Ростовского), был убит во время боевых действий (князь А. Д. Жижемский⁷² и многие другие, павшие в Казанских походах), а также выпустить Стародубских князей Гундоровых, Ковровых, Нагаевых, Пожарских, Ромодановских, Татевых (лист с которыми, вероятно, был утрачен и не отразился в поздних копиях Дворовой тетради), то окажется, что в Дворовую тетрадь из Тысячной книги не попал 61 человек. Их могли не записать переписчики по причине неразборчивости или зачеркнутости многих записей в подлиннике документа. Вопрос о причинах их невключения в Дворовую тетрадь нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

- Баранов К. В. Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Материалы Международной научно-практической конференции. Владимир, 2006. С. 164–167.
- Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Бенцианов М. М. Каширская десятина 1556 г.: к вопросу о становлении «служилого города» в Русском государстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1. С. 201–214.
- Бенцианов М. М. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г.: опыт ретроспективного анализа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 4 (54). С. 34–48.
- Веселовский С. Б. Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // *ИЗ. М.*, 1945. Т. XV. С. 57–69.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // *АЕ* за 1957 г. М., 1958. С. 41–87.
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
- Зимин А. А. Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование состава Боярской Думы и дворцовых учреждений // *ВИД. Л.*, 1981. Вып. 12. С. 28–41.

⁷¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 45, 108, 116.

⁷² Памятники истории русского служилого сословия. С. 181.

- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Корзинин А. Л.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 1. С. 12—30. (Корзинин, 2009а)
- Корзинин А. Л.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 2. С. 98—118. (Корзинин, 2009б)
- Кротов М. Г.* К истории составления десятен (2-я половина XVI в.) // Источниковедение и историография истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1984. С. 56—72.
- Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
- Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76—96.
- Назаров В. Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 40—55.
- Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.
- Павлов А. П.* К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 21—35.
- Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.
- Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004.
- Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 41—57.
- Чернов С. Э., Янишевский Б. Е.* Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // Российская археология. 2008. № 2. С. 186—200.
- Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII веках. СПб., 2012.